Иван Годинович (2)

Ишше был-жил дядюшка с племенницьком.
Захотелось дедюшки племенницька женити-се:
«Уж ты шчо же, мой племенницёк, не женисьсе,
На кого, племенницёк, надеисьсе?» —
«Я малёшенек да я глупёшенёк,
Мне-ка стара взеть — да на пеци лёжать,
Мне моло́да взеть — да всё цюжа корысь».
Столько видели молодца сряжаюцись,
Не видали удало́го поежжаюцись;
Во цисто́м поли только курёва идёт,
Курёва идёт да дым столбом стаёт;
Сухо пеньё, кореньё поломалосе.
Приежаёт он к полаты белокамянной;
Он везал коня да ко красню крыльцю,
Ко красню крылцю да г золоту кольцю,
Насыпал пшеници белояровой.
Он по лестовкам пошёл да потихошенько, —
Под им лестовки да подгибаютце́,
Он по сеноцьком да помалёшенько, —
Под им сеноцьки да сени дыблютце́,
Сени дыблютце, новы колыблютце́;
Он заходит в полату белокамянну,
Как полата з боку на́ бок покацяласе,
Ставники[1] в окошках покосилисе,
На столах питьё, еденьё поплёскалосе.
Как сидит тут Митрей да во большо́м углу,
Свет Васильёвиць да во це́сно́м мести.
Как спроговорит Митрей свет Васильёвиць:
«Ты не вор ли пришёл к нам, не розбойницёк,
Не зьбеглой ли солдат к нам новобраныя?»
Тут спрого́ворит удалой доброй молодець:
«Уж ты гой еси, Митрей Митреяновиць!
Я не вор пришёл к вам, не розбойницёк,
Не зьбеглой пришёл солдат да новобраныя;
Я пришёл об том дели об сватовсьви

Я на той ли Настасьи Митреяновны».
Как спроговорит Митрей-от Митреяновиць:
«Как просватана Настасья да за три годика,
Митреяновна да за три осени
За того ли Идолишша за проклятого,
За проклятого да за поганого.
У нас сидит Настасья за сорóк замков,
За сорóк замков да за шурупцятых,
Шчобы ветром Настасью не провеяло,
Шчобы красным ей солнышком не зáпекло,
Шчобы добры ка ей люди не обзарились».
Как пошёл удалой доброй молодец,
Он замки ломать да шурмы шýрмовать2,
Уж он брал Настасью за белы руки,
Выводил Настасью да на краснó крыльцё,
Целовал Настасью в сахарны́ уста,
Он садил Настасью на добра коня,
Увозил Настасью во цистó полё.
Оны ехали тут день до вецёра,
А до вецёра да до полýноци.
Дак присьтигла их тут ноцька тёмная,
Ноцька тёмная, долга, осённая.
Воспроговóрит Настасья Митреяновна:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодец!
Нам пора, пора да со коня сходить,
Со коня сходить да коню здох давать,
Коню здох давать, шатёр роскидывать;
Насыпать пшеници белояровой».
Не послушал удалой доброй молодець.
Как спрогóворит Настасья во второй након:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Нам пора, пора со коня сходить
Со коня сходить, да коню здох давать,
Как роскидывать шатёр белой полóтьняной,
Насыпать пшеници белояровой».
Не послушал удалой доброй молодець.
Как спрогóворит Настасьюшка в третéй након:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Нам пора, пора со коня сходить

Со коня сходить, да коню здох давать,
Как роскидывать шатёр белой полотьняной,
Насыпать пшеници белояровой».
Тут послушал удалой доброй молодець.
Розоставили шатёр белополо́тьняной
Насыпать пшеници белояровой.
Вдруг не стук стучит, да вдруг не гром гремит,
Вдруг наехало Идо́лишшо проклятоё,
А проклятоё само́ поганоё.
Он крыцял, зыцял да во всю голову,
Во всю силу-могуту всё боґатырьцькую:
«Уж ты ґой еси, вудалой доброй молодець!
Ты подай-косе да мою да поеденьщицю,
Поеденьщицю, да красну девицю.
Не подашь ты мне-ка да красной девици, —
Я из рук, из ног да жильё вытяну,
Уж я вырву ретиво́ серьцё со пе́ценью».
Тут не мог утерпеть удалой доброй молодець,
Он пошёл и(с) шетра бела поло́тьняна,
Ай схватилисе с Идолишшом проклятыим,
Как с проклятыим да со поганыим.
Залезал удалой доброй молодець
Ай к тому ли к Идолишшу проклятому
На церны груди да на поганыя,
Он крыцял, зыцял да зысьним голосом:
«Уж ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай-ко мне-ка ножишшо из нага́лишша[3],
Уж я вырву у его да ретиво́ серцё,
Уж я вырежу его да груди цёрныя».
Не послушала Настасья Митреяновна,
Не подала она ножишша из нагалишша.
Как взмолилсэ удалой доброй молодець:
«Уж ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай скоре ножишшо из нагалишша,
Уж мы вынём у Идолишша ці́рны́ груди,
Уж мы вынём ретиво́ серьцё со пе́ценью».
Не послушала Настасья во второй након.
Как взмолилсэ удалой доброй молодець:
«Уж ты ґой еси, Настасья Дмитреяновна!

Ты подай мне-ка ножишшо из нагалишша,
Уж мы вынём у Идолишша ц́ерны́ груди,
Уж мы вынём ретиво серьцё со пец́енью,
Мы из рук, из ног да жильё вытенём».
Не послушала Настасья во третей након.
Выбивалсэ Идолишшо добру молодцу на белы́ груди,
Он крыцял, зыцял да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову,
Во всю силу-могуту да всё тотарьскую:
«Уж ты ґой еси, Настасья доць Митреяновна!
Ты подай мне-ка ножишшо из нагалишша,
Уж мы вырежом у его да груди белыя,
Уж мы вынём у его да ретиво́ серьцё».
Поскорёшенько Настасьюшка сьвернуласе,
Подала она ножишшо из нагалишша.
Тут летит зьмея, да зьмея лютая,
Как несёт зьмея да зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра:
«Уж ты выпей-ко, Идолишшо, привыкушай…»

Он выпил зелья. Разгорецилсэ доброй молодець, вырезал у Настасьи груди белыя, вытянул жилье из рук и ног на ремни сыромятныя, и повесил на лесинку над рекой. Она взмолилась, обещая быть ему женой; он отступилсэ и уехал проць: «Виси, веки-векуша!» Только и приехал к дедюшки порозной 4.

Записана А. В. Марковым в с. Варзуге на Терском берегу Белого моря от С. И. Клешовой.

1 Рамы.
2 Ударять; «шурмы» - вместо «шурупы».
3 Из лагалища – из ножен.
4 Порожний, т. е. с пустыми руками.